

Сян Юань счел это забавным. Во-первых, этот так называемый Цинчжу-гунцзы был всего лишь главным гером этого салона, который прикрывался благозвучным титулом, но на самом деле был всего лишь представителем низшего сословия. Как он осмелился просить о таком?! Во-вторых, разве он выглядел как человек, теряющий рассудок от лести и неспособный видеть дальше своего носа? Цинчжу-гунцзы, судя по его спокойному виду, казалось, был уверен, что Сян Юань согласится на его просьбу.

Господин Гао, видя, что Сян Юань сохраняет каменное выражение лица и не притворяется скромным, поспешно остановил Цинчжу-гунцзы и попытался сгладить ситуацию:

— Каллиграфия господина магистрата не для того, чтобы её просто так показывали! Цинчжу, не стоит из-за своей увлечённости каллиграфией обращаться с просьбами к людям в неподходящих ситуациях! Сегодня господин магистрат здесь по важному делу, так что просто сядь и обслуживай его вином.

В конце он, как бы оправдываясь, объяснил, что табличка над входом в салон была работой Цинчжу-гунцзы, и что этот человек был немного странным, и, встречая людей с похожими интересами, он сразу же начинал искать наставничества. Он попросил Сян Юаня не обращать на это внимания.

Сян Юань махнул рукой, приглашая всех сесть. Когда господа усадили рядом с собой геров, он поднял бокал и выпил залпом.

— Этот тост я поднимаю в благодарность за ваше гостеприимство.

Все поспешно выразили смущение, настоящие или притворные, говоря, что это слишком много чести.

Сян Юань не обратил на это внимания и снова поднял бокал, выпив его до дна.

— Второй тост — это предупреждение. Раз уж мы здесь, я расскажу о своих правилах, чтобы в будущем не возникло недоразумений.

Господин Гао и остальные почувствовали тревогу, но на словах выразили согласие.

— Мои правила таковы: во-первых, в будущем не устраивайте подобных встреч. В конце концов, у всех нас есть семьи, и частое посещение таких мест может плохо сказаться на репутации. Во-вторых, пить и обсуждать дела — это нормально, но только это. Всё остальное — не для меня. В-третьих, если дело в рамках правил, я не стану отказываться без причины, так что вам не нужно готовить подарки. Это бесполезно. Если дело можно решить, я не возьму ни лишней монеты.

Он сделал паузу, оглядел всех и спросил:

— Всё понятно?

Господин Гао вытер пот со лба и поспешно согласился.

— Господин магистрат действительно человек высоких моральных принципов, нам до вас далеко.

Затем он обратился к Цинчжу-гунцзы, который сидел рядом с Сян Юанем и, услышав эти слова, выглядел недовольным:

— В таком случае, Цинчжу-гунцзы, вы можете идти. Все остальные тоже могут выйти. Скажите управляющему, чтобы больше не беспокоили.

Геры в комнате, с разными выражениями лиц, но не смея возразить, покорно встали и вышли. Цинчжу-гунцзы с нежностью посмотрел на Сян Юаня, надеясь, что тот скажет что-то, но обнаружил, что в глазах этого чиновника из Цюйчжоу не было ни капли тепла, только холод. Цинчжу-гунцзы вздрогнул, больше не смея настаивать, и поспешно вышел, потеряв свой обычный спокойный вид.

С наступлением сумерек Сян Юань вышел из салона, за ним следовали господа, провожавшие его. По их радостным лицам можно было понять, что встреча прошла успешно. Сун Да подогнал карету, и они отправились в уездную управу.

В уездной управе Чжао Шэнь и Сяо Доу ещё не вернулись. Сян Юань, выпивший вина, чувствовал себя немного одурманенным и приказал Сун Да встретить Чжао Шэня, а сам умылся и, шатаясь, улёгся отдыхать.

Матушка Сюй, заглянув и увидев, что Сян Юань лёг, тихо вышла. В душе она подумала: «Если глава дома — гер, то он не так внимателен, как женщина. Чиновник вернулся с приёма, а ему даже горячего супа не подали, и умываться пришлось самому. Если так будет продолжаться, неудивительно, что он всё чаще будет уходить из дома».

Подумав об этом, она вдруг вспомнила свою незамужнюю дочь. Хотя её дочь была из простой семьи, она была довольно хороша собой и умела шить. Несколько госпож уже хвалили её.

Матушка Сюй задумалась.

Чжао Шэнь невольно потянулся, чтобы помассировать поясницу, и, вспомнив прошлую ночь, покраснел от смущения и досады.

Этот Сян Цунцзы становился всё более бесстыдным. Он и не знал, что тот тайком выучил столько уловок. Такие постыдные позы, и он ещё заставлял его принимать их! И хотя его тело стало гораздо крепче, зачем всё время это демонстрировать?! И заставлял его трогать, хотя кожа была гладкой и мускулистой, приятной на ощупь, но он не хотел трогать это место, а оно ещё и увеличивалось. Он еле сдержался, чтобы не сжать его сильно.

Сян Цунцзы говорил, что в последнее время он рано уходил и поздно возвращался, занятый делами, и что это давно не позволяло им по-настоящему сблизиться. Чтобы их отношения не охладели, им нужно было по-настоящему сблизиться, и времени должно быть достаточно, иначе это может привести к подавленности и эмоциональному срыву.

Враньё! Разве так можно мучить? Целых два часа, то бурно, то медленно, Чжао Шэнь был на грани, едва сдерживаясь, чтобы не взять всё в свои руки.

Тихо зевнув, Чжао Шэнь почувствовал, что в последнее время он действительно быстро устаёт. Вчера, когда он с Чжоу Цинлинем и Цинь Мянem обходил деревню, чтобы купить чёрных кур, он уже чувствовал усталость.

Однако ему показалось, что Цинь Мянem смотрел на него странно, и его отношение было довольно необычным. Не то чтобы он был очень дружелюбен, но и не отстранён. В общем, это было странно.

Но нельзя отрицать, что Цинь Мянem, этот гер, был очень образованным, писал красивым почерком, и его манеры никак не соответствовали деревенскому происхождению. В разговоре с Цунцзы они обсуждали его и пришли к выводу, что, судя по его поведению, Цинь Мянem точно не был из крестьянской семьи, и его воспитание не могло быть простым. Цунцзы сказал, что, что бы ни скрывал Цинь Мянem, сейчас он был женой Чжоу Цинлиня из деревни Шитао, и Чжао Шэнь не должен чувствовать себя неловко. Нужно действовать как обычно и не стесняться давать указания. Чжао Шэнь вспомнил слова Цунцзы: «Помни, ты — законный супруг господина магистрата Цюйчжоу, и нет причин тебе уступать другим». Это согрело его сердце.

— Господин, это тонизирующий суп, который господин магистрат велел приготовить для вас. Он сказал, что вы должны выпить его, когда встанете.

Матушка Сюй поставила перед Чжао Шэнем миску с горячим супом.

Чжао Шэнь попробовал его, и, почувствовав, что вкус неплохой, выпил его до конца. Возвращая миску, он заметил стоящую за матушкой Сюй девушку лет пятнадцати-шестнадцати, с довольно милостивой внешностью, и спросил:

— Матушка, кто это?

Матушка Сюй с улыбкой ответила:

— Это моя дочь, зовут Хуэйхуэй, она ещё не замужем. Я подумала, что она может прийти ко мне, чтобы научиться некоторым навыкам, которые пригодятся ей в будущем. Я говорила об этом с господином магистратом, и он разрешил.

Затем она поспешно велела Сюй Хуэйхуэй поклониться. Девушка сделала это не совсем правильно, но в её юности была какая-то непосредственность. Чжао Шэнь, видя, как она смотрит на него большими глазами, не рассердился, а просто снизошёл к ней, как к младшей. Услышав, что Сян Юань согласился, он кивнул.

— Хорошо, раз господин магистрат разрешил, пусть остаётся с тобой. Но в уездной управе много людей, так что присматривай за ней, чтобы никто не обидел её.

Матушка Сюй поспешно согласилась и увела девушку, которая продолжала смотреть на Чжао Шэня с любопытством.

— Мама, почему законный супруг господина магистрата совсем не красивый?

Матушка Сюй поспешно огляделась и, убедившись, что никто не слышит, строго сказала:

— Тише! Мы в управе, если кто-то услышит и донесёт господину магистрату, как ты ещё сюда попадёшь?

Сюй Хуэйхуэй надула губы и прошептала:

— Но я же не ошиблась, он действительно не похож на геря, а больше на мужчину. Как господин магистрат, глава уезда, мог жениться на таком некрасивом человеке?

<http://bllate.org/book/15532/1381156>